

Даша Шмелева

Роман

ГОРОД

тревожным куколкам посвящается

ГОЛОД

Даша Шмелева

Город Голод

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23303624

ISBN 9785448388507

Аннотация

«Город Голод» – история юной минчанки Вари, которая столкнулась с затянувшейся депрессией и пищевым расстройством. Девушка воспринимает мир через призму своей болезни, считая себя не человеком, а «болтающимся на прищепке бельем». Потеряв работу, друзей и смысл существования, Варвара твердо решает исправить ситуацию. Девушка переезжает в Санкт-Петербург, где находит в себе силы справиться с тревогой, встречает любовь. Вместе с героиней читатель проходит путь осознания и выздоровления.

Содержание

1	5
2	7
3	8
4	10
5	13
6	14
7	15
8	18
9	21
10	23
11	25
12	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Город Голод

Даша Шмелева

© Даша Шмелева, 2017

ISBN 978-5-4483-8850-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

тревожным куколкам посвящается

1

Метро. Кажется, люди укутали свои шеи не шарфами, а веревками. Так, на всякий случай, – вдруг решат сегодня где-нибудь повеситься. Стою, крепко держусь за поручень, и все равно шатает так, будто я не человек, а болтающееся на прищепке белье. Как капельница, тянется из кармана провод плеера. Слушаю музыку и читаю текст выступления Саши Соколова:

Есть разные птицы, говорю я себе. И тут же память подсказывает строку Жака Превра: «Чтобы нарисовать птицу, нужно сначала нарисовать клетку». Разумеется, отвечаю я, разумеется, есть и клетка. И в ней есть разные птицы. И птица-секретарь, предположим, прекрасно переносит свое заточение, разве что немного жиреет. А, например, птица-соловей в той же клетке молчит идохнет. А птица-феникс? О, птица-феникс верна себе и в неволе. Она в знак протеста сжигает себя, и когда ее пепел выметают из клетки, она возрождается и улетаёт. У нее очень обостренное – пламенное чувство собственного достоинства¹.

¹ Соколов А. В. Отрывок из речи, сказанной в университете Эмори на конференции «Переосмысление человека». Сборник эссе «Тревожная куколка».

А я птица-курица: в знак протеста, как скотина, сжигаю себя никотином. Рядом со мной стоит девушка. Мы обе отражаемся в окне вагона. Она очаровательна, как девица с рекламного плаката про весенние распродажи. Я – нерасчетливая безразличность с припухшими глазами. Хотя вчера, например, все было совсем наоборот. Вечером я ехала домой с брошюрой Йогананды «Как всегда быть счастливым» и находилась в состоянии, когда, цитирую, «стала радугой среди облаков». Я умилялась и улыбалась всему, что вижу, точно перед глазами весь день мелькали мои детские фотографии, бережно сохраненные мамой и папой, которых, кстати, зовут Вадим и Анна. А меня – Варя. Мне 22 года. Я застегнута на пуговицу пупка в юном теле. Живу в городе голоде.

2

Я не практикую какие-либо техники медитации. Интересовалась, читала кое-что об этом, но не практикую. Правда, когда я прихожу домой, вешаю куртку, скидываю ботинки, швыряю сумку и падаю на кровать, я люблю полежать несколько минут, напевая: «Наконец-то д-Оммммм, милый д-Оммммм». Вот такая у меня хоум-мантра.

Я живу с родителями в одной многоэтажке, но в разных квартирах. Папа, мама – в двухкомнатной на девятом этаже, я – в однокомнатной на первом. Мое жилище напоминает подвал: все шкафы в коридоре заставлены солеными огурцами и банками с вареньем. Зато всегда есть чем накормить гостей. Хотя лично у меня с едой большие проблемы.

Четыре года назад я влюбилась в молодого человека и похудела на восемь килограммов. Стала гиперактивной стильной девушкой. Могла себе позволить даже черные худи с дырками в районе колен. Потом мы разлюбили друг друга, и я на нервах скинула еще пять кило. Ходила наглая, голодная и злая. В один момент расстроилась и наелась. И ем до сих пор. Много и постоянно. Хотя очень боюсь еды, как будто продукты – это пули, которые стреляют из холодильника прямо мне в рот. Сами мысли о еде меня убивают. Еда. Еда. Еда. Е-нет! Я злоупотребляю сахаром, но спится мне совсем не сладко.

3

Никогда не видела в зеркалах символизма. Напротив, отражение всегда возвращает меня к реальности. Безразличное отношение к своей внешности – мой параллельный мир. Длинные русые волосы – единственное, чем я еще могу похвастаться. Ну, и пальцы на ногах. У них красивая форма. Они по-прежнему вытянутые, грациозные и сухие. Я, когда на них смотрю, всегда думаю: «Может, меня, цветок, и срезали, но корни, корни остались такими, как нужно, а значит, из меня еще может вырасти что-то привлекательное».

Сегодня, когда я зашла в ванну и глянула на себя в зеркало, мне захотелось закидать свою физиономию яйцами и помидорами. Что я и сделала, правда, не в ванной комнате, а на кухне. Я знаю, что чувствуют наркоманы и алкогоголики, когда им нужна очередная доза. Если я решаю наесться, меня больше ничего не волнует. Я делаю себе омлет из четырех яиц с луком, сыром и помидорами. Разогреваю мамины котлеты, к которым на обеде даже не притронулась. Отрезаю большущий кусок черного хлеба и покрываю его майонезом. Включаю серию «Как я встретил вашу маму» и, несмотря на то, что эпизод этого сериала длится около двадцати минут, за первые пять успеваю съесть абсолютно все, не прожевывая и не чувствуя вкуса. Запиваю огромной кружкой молока. Пять минут просто смотрю кино, радуясь тому, что на-

сыщение пока еще не наступило. Нажимаю на паузу. Наливаю еще молока. Достаяю из хлебницы пакет печенья и не замечаю, как к концу эпизода умудряюсь впихнуть в себя четыреста граммов сухого пайка. И только после того, как пакет оказывается пустым, я смотрю на этикетку и читаю, с чем вообще было это печенье: с джемом или со сливочной начинкой. Начинаю испытывать в животе дискомфорт и знаю, что через несколько минут страшно начну себя ненавидеть. И, как спортсмен перед финишем, быстро открываю хлебницу, ищу там завалившиеся остатки магазинной выпечки. Достаяю из холодильника шоколадное масло и мажу его на куски твердых булок с корицей, делаю чай и продолжаю есть, как будто участвую в конкурсе по поеданию на скорость.

Потом иду в аптеку за таблетками с пищеварительными ферментами. Я люблю таблетки. Они как пуговицы, на которые я застегиваю свой рот, чтобы больше не кушать. Иногда я за день могу съесть целую пачку «Фестала», как будто это не лекарство, а «M&M's».

4

На тумбочке возле моей кровати стоят большие круглые часы, похожие на гирию или приспособление для взвешивания овощей. Обычно я завожу будильник на семь двадцать пять, поэтому каждое утро на циферблате вижу две опущенные вниз стрелки, эдакую грустную мину, типа «ничего не поделаешь, пора вставать».

Сегодня утром я спокойно открыла глаза и сразу почувствовала, что встала гораздо позже обычного. Дернула голову к часам – в десять ноль пять они так и улыбались мне своими стрелками. Тут же раздался звонок городского телефона, который я называю «внутренним». Кроме родителей, на него никто не звонит.

– Варечка, привет! – мама перекрикивала звук льющейся из крана воды. – Доченька, у тебя мобильник разрядился, да? Почему ты не на работе? Ты заболела?

– Все нормально, мам, – неохотно ответила я, держа трубку на расстоянии десяти сантиметров от уха, – я всего лишь проспала. Сейчас разберусь. Спасибо! Пока!

За секунду в моей голове десятки телевизоров включились на разных каналах. Почему я не услышала будильник? Нужно срочно умыться и почистить зубы! Что надеть? Чем позавтракать? Какая там погода на улице? Где мое зарядное? Куда делся халат? Как бы не забыть покормить кошку.

Кира-Кира, кыс-кыс-кыс. Нужно включить компьютер, проверить сообщения, позвонить начальнику. Господи, где это я вчера шаталась, почему у меня такие грязные ботинки? И где, черт побери, мои штаны? Халат, джинсы и кошку я нашла в ванной. Здесь я всегда все нахожу: ванная как кладовка, где нет окон.

Решила позвонить начальнику. Нажимала на кнопку вызова, точно активировала детонатор бомбы.

– Да, Варвара, – босс поздоровался со мной голосом раздраженного уголовника.

– Добрый день, Сергей Викторович, я проспала, но уже выхожу. Мне очень неудобно перед вами. Через час буду на месте, – протараторила я и положила трубку, не дожидаясь ответной реплики.

Выдохнула и спокойно села на стул в кухне. Перед моими глазами висел календарь. Он не был похож на лист с расписанием уроков для младшекласников, это была особенная вещь – ручная работа моей подруги, подарок на день рождения.

Идея календаря заключалась в следующем: все числа в году были зачеркнуты простым карандашом, а к подарку прилагался ластик – чтобы, как сказала в своем поздравлении тогда Женя: «Прожив день, не вычеркивать его из прошлого, а наоборот, оставлять чистым и открытым на долгую память. Каждое утро стирай карандаш с одного числа и старайся жить только этим днем. Помни, что есть только он один,

завтрашнего дня не существует, смотри – ведь он пока еще зачеркнут!»

Как мне тогда понравилась эта идея! Но я очень быстро потеряла ластик и давно уже не стирала карандаш с цифр. Сейчас, когда я смотрела на календарь, я видела перед собой таблицу апреля и, несмотря на то, что было уже двадцатое, все числа месяца были зачеркнуты. Я подошла к плакату и аккуратно пальцем убрала черную полосу с сегодняшней даты. «Двадцатое мая, день зарплаты», – подумала я.

5

Переодеться – это занятие для меня сейчас противнее уборки кошачьего туалета. Когда я снимаю домашние штаны и натягиваю джинсы, ляжки трутся друг о друга и я чувствую себя трансвеститом – что-то ужасно мешает между ног. Стою перед зеркалом. Кажется, еще чуть-чуть, и расплачусь. Хныкаю и трогаю свои бедра, сжимаю их так, точно хочу убедиться, что жир нельзя просто взять и, как поролон из лифчика, вынуть. В такие моменты мне кажется, что я стою не перед зеркалом, а перед экраном караоке. Всегда начинаю выть одну и ту же песню: «Какая же я стала королева! Варя, ну хватит жрать! Господи, помоги мне, пожалуйста, дай мне сил!»

Раньше я постоянно трогала свои кости, а теперь не ощущаю ничего, кроме злости. Моя паранджа – вязаный красный свитер до середины бедра, синие джинсы, черные кеды, удлиненное серебристое пальто со спортивным капюшоном и бежевый тряпичный рюкзак в мелкую полоску, точно ткань обсыпана кондитерской лапшой «Радуга». А в голове полный бак негативных мыслей. Увидев в городе девочку-спичку – взрываюсь.

6

В детстве я очень любила ходить к бабушке на работу. Она была поваром в военной столовой. Пообедать в общепите – все равно что сходить в церковь, где моя бабушка – живая святая. Она сорок лет провела на кухне и, сколько ее помню, всегда готовила не умом, а сердцем. До сих пор представляю себе святых не белыми и спокойными ангелами, а такими вот людьми без высшего образования, вытирающими пот со лба, которые улыбаются золотыми зубами и трудятся золотыми руками.

Летом мы с братом часто бегали к бабушке в столовую на завтрак. Она давала нам чай с бутербродом и стакан сметаны со свежими ягодами. Бабушка говорила, что это и есть самый настоящий и полезный йогурт. И всегда ругала маму, чтобы та не покупала нам молочные сладости в магазине, а то «неизвестно, что они туда вообще добавляют в эти баночки, а потом у детей аллергия начинается!»

Страшно подумать: сейчас я сама работаю в рекламном отделе компании, которая занимается производством таких же вредных молочных продуктов.

«Варя, зайдите, пожалуйста, к директору в кабинет», – на столе лежала написанная на бухгалтерском бланке записка, внешне напоминающая направление на анализы.

Я проверила почту, «Вконтакте», переложила с места на место блокноты, понюхала ластик в виде рахат-лукума и пошла в переговорную комнату. Этот кабинет я ненавидела больше всего. Здесь, вокруг деревянного овального стола на десять человек, стояли высокие кожаные кресла. На собраниях я не могла сосредоточиться ни на чем, кроме того, что мои ноги напоминают мне две огромные резиновые грелки, плотно наполненные водой.

Директор открыл дверь. Я на него посмотрела с чувством «вечеромходишь в подъезд, и звук шагов тебе самому страшен настолько, что твой испуг одушевляет тьму». Заерзала, пытаюсь принять деловую позу. Приняла школьную.

– Варя, вы уволены, – без вступления и объяснения причин Сергей Викторович перешел сразу к сути. – Спасибо за работу, – проямлил он и поставил в конце разговора подпись, – с уважением и желанием поскорее найти на ваше место нового сотрудника, директор.

Я вышла из кабинета и, кажется, впервые разглядела перегородки в офисе. Полукругом они зонировали помещение на двадцать пять рабочих мест. Белые, расположенные по ду-

ге столы с компьютерами напоминали челюсть акулы молочного бизнеса. Мой зуб сгнил, и его нужно было удалить. Все правильно. Совсем скоро тут вырастет новый, крепкий и здоровый, правая четверка.

Когда я только устроилась на работу, мне даже в голову не пришло пойти и купить себе новую посуду в магазине. Почему-то обязательно нужно было принести сюда свои любимые кружки, тарелки и ложки. Точно эти угольки домашнего очага помогали мне чувствовать себя здесь уютнее. Но я только навсегда испачкала фарфор въевшимся цветом кофе. Посуду не отмыть, и забирать обратно совсем не хочется. Кажется, на кружку, как на телефон, могут позвонить и наорать.

Стою на курилке. Менеджер Катя приглашает на чай. У нас в офисе столько сладостей, точно мы продаем не молоко, а конфеты или печенье. Каждый обед – Новый год. Сегодня я решила осуществить мечту детства – съесть весь подарочный пакет за один раз. В итоге объелась сладким до кашля. Стою, тихонечко корчусь, поглаживаю живот, а окружающие даже не замечают, что со мной что-то не так. Внешне я выгляжу обычной девушкой со средней фигурой. Мой рост – 170 сантиметров, вес 60 килограммов. Не стройная, но и не толстая. Как говорится, туда-сюда пять кило – не страшно. Правда, чтобы не весить тонну, приходится тошнить. Многие стесняются в офисе в туалет по-большому сходить, а я умудряюсь тут неслышно чистить желудок. А что

делать? Наверное, пора уже давать больничный по причине «утром я не смогла застегнуть штаны после вчерашнего, поэтому сегодня не приду» или «разнервничалась – объелась, нужен выходной».

Меня уволили, а мне было на это наблеть.

8

Бывает, заходишь в метро, а там две огромные очереди за жетонами. Я всегда становлюсь не в ту, что короче, а в ту, где меньше женщин. Обязательно получится быстрее. Жаль, что этим наблюдением не воспользуешься в аптеках – мужчины здесь редко бывают. Купила таблетки от живота. Еду к родителям на ужин.

– Доченька, ты только не переживай. Будешь суп? – на кухне суетилась мама.

– Я не переживаю. Буду, – ответила я, демонстративно отказываясь ей помочь.

– Зарплату на карточку перевели, проверяла? – спокойно спросил отец, который тоже сидел за столом неподвижно, как король.

– Проверяла. Все нормально, деньги у меня есть, – важно сказала я и начала копаться у себя в сумочке, которую принесла с собой на кухню, как будто я не к родителям домой пришла, а в ресторан.

– Может, тебе съездить куда-нибудь отдохнуть? – прервала немую паузу мама.

– Я подумую, я еще, кстати, то, что бабушка с дедом на восьмое марта подарили, не потратила, – оживилась я, вспомнив, что в моей копилке лежит больше пятисот долларов.

– Но бабуля хотела, чтобы ты себе какое-нибудь украшение купила, кольцо или сережки, – аккуратно предложила мама.

– Вообще-то я бы предпочла, чтобы у меня снова заблестели глаза, – отрезала я.

– Ладно, как знаешь, – закончил эту неприятную для всех беседу папа.

– Ладно, – добавила я и начала быстро есть.

После ужина я решила прогуляться. Подышать, покурить, купить кошке «Вискас». У нас возле дома настолько большой магазин, что мне бывает лень искать по залу вафли, и я редко в него захожу. Закупаюсь в ларьке. Оставляю супермаркет для очередного дня начала новой жизни, когда я по два часа могу гулять по магазину с корзинкой и, как ягоды в лесу, собирать туда орехи, фрукты, овощи, обезжиренный творог, кефир и йогурты. Но новая жизнь всегда чужая, даже если в будущем моя, поэтому сегодня я купила только корм для Киры и пачку чипсов.

Пришла, достала сметану из холодильника, включила «Школу злословия» с Татьяной Толстой, которую я очень люблю. Она все время про еду пишет. Метафоры точно не головой, а животом придумывает. Мне с ней спокойно. Когда в ванне лежу, часто представляю себе, как Татьяна берет у меня интервью: «Варя, что вы любите читать? Что такое, по-вашему, красота? Вы умеете готовить?» Обычно я блистательно отвечаю – умные мысли приходят мне в голову

только в воде. Здесь я забываю о теле, в жидкости оно неведомо.

9

Две недели я пролежала на диване. Игнорировала звонки друзей и знакомых. Смотрела сериалы и ела пиццу. Закрытая в своем мирке, я чувствовала себя спокойно и хорошо.

Вечером четырнадцатого дня я закончила смотреть очередной фильм. Вдруг, как долгожданная и отключенная на время горячая вода, эмоции резко включились, и я расплакалась так сильно, что чуть не затопила соседей. Квартира показалась мне тюрьмой, в которую я села, чтобы больше не причинять вреда себе и окружающим людям. Я дошла до состояния, когда нужно менять все. Точно я рыбка в аквариуме с грязной водой. Если не перенести в чистый, жить мне осталось недолго. Сердце забило, как при физической нагрузке. Захотелось бежать. Я запаниковала. Организм включил режим самосохранения, дав мне понять, что если я не начну действовать, наступит конец моего света.

Выходить на знакомую улицу совсем не хотелось, поэтому я твердо решила уехать в другой город. Единственный вариант, который пришел в голову, – Питер. Я была в этом городе трижды, и каждый раз – счастлива.

После бессонной ночи наутро стою возле кассы, готовлюсь купить билет на автобус, гуглю фразу «население Санкт-Петербурга». Думаю, более пяти миллионов человек живет в этом городе, и я смогу. Тем более, они там живут,

боятся смерти, а мне нечего бояться, я всегда могу вернуться обратно, в Минск. Через три дня я уже сидела на заднем сидении холодного «Икаруса».

Рейс был ночным. Я знала, что не смогу уснуть, поэтому взяла с собой много еды. Карман спинки переднего кресла полностью заполнила баночками с детским питанием, крекерами, водой и соком, точно там сидел не пассажир, а ребенок в коляске. Я была уверена, что съем весь запас за первые два часа поездки, но до самого утра не притронулась к пище. Скорость вводила меня в транс. Впервые за долгое время я просто сидела и слушала музыку.

Дорога доставляла удовольствие, пока я не решила заглянуть в социальные сети. Лента новостей, точно головоногий моллюск, прыснула ядовитой чернильной бомбой. Тощие девушки, картинки с мотивацией похудеть, модели, фразы типа «„хочешь есть – попей водички“ – вот девиз анорексички», высказывания Ошо и выражения Будды, йогини в самых разных позах, рецепты низкокалорийных блюд, люди в путешествиях и на берегу океана – визуальная информация, которая одновременно раздражала и привлекала меня. Тревога росла. Я открыла пачку крекеров и, как белочка орешки, начала уничтожать печенье. Если бы не лакомство, от зависти я бы саму себя сожрала. Процесс угрызания совести превало сообщение в вайбере: «Доченька, я рано проснулась и больше не могу уснуть. Как твое настроение? Как поездка?»

Мамочка... Конечно, кто еще будет думать обо мне и волноваться? Точно не девушки из социальных сетей, которые только и делают, что корчатся перед камерой, демонстрируя свои фотогеничные части тел. Им нет до меня дела! И мне нет дела до себя! Я трачу несколько часов в день, чтобы узнать, как дела у незнакомого мне человека, и не могу найти минуту, чтоб прислушаться к себе. Если бы вместо идеальных картинок в ленте новостей появлялись снимки моей повседневной жизни, наверное, я бы поняла, что весело живет только моим глазам. Я же, как обдолбанный наркоман, лежу на диване и не двигаюсь, путешествуя по миру своих и чужих иллюзий. Я рассмеялась, точно разгадала простой карточный фокус.

За полчаса вышла из всех групп, так или иначе связанных с модельным бизнесом, похуданием и совершенством. Мне стало страшно. Придется теперь наблюдать за семьями одноклассников, шашлыками одноклассников и свадьбами друзей детства. Я завидовала девушкам, у которых был маленький вес. Девушки, у которых был маленький ребенок, вызывали скуку. Я же вызывала у себя отвращение: у меня не было ни того, ни другого.

В семь утра Питер похож на большую площадку для афтепати. Компании веселых ребят так многочисленны, точно по городу ходят пьяные экскурсии. Раньше я тоже не замечала тут ничего, кроме баров. Сейчас мое внимание привлекали кафе-пироговые. Хочется сказать «старею», но нет – жирнею. В ближайшем круглосуточном заведении купила себе пирожки с капустой, картошкой, яблоком, черникой и вишней. Мне нужно было много еды: до заселения в хостел на станции метро «Садовая» оставалось больше пяти часов.

Гуляла по городу, останавливалась в живописных местах и ела. Людей не стеснялась. Дома я бы себе никогда такого не позволила. Главный проспект Минска похож на подиум: длинная широкая улица с открытыми верандами ресторанов, где сидят люди, пьют кофе и наблюдают за проходящими мимо девушками, опрятными, стройными, ухоженными и гордыми. В Питере есть булки, сидя на парапете, почетно. Вокруг столько бомжей и нищих, что возможность купить себе еду дает тебе право чувствовать себя комфортно.

В течение часа я прикончила сдобное ассорти. Щеки разбухли, вылез второй подбородок, заболел живот. Я напоминала себе удава, который сожрал свинью, а теперь нуждается в месяце переваривания. С этого момента моя прогулка по Питеру стала напоминать посещение комнаты страха.

В каждой витрине вместо собственного отражения мне мерещилось чудовище. Я не могла прийти в хостел и знакомиться с его жителями, пока моя внешность напоминала мне мою внешность!

С десяти утра я начала обзванивать салоны красоты, находящиеся недалеко от центра. Везде все занято, ближайшая запись – через неделю. Идея покраситься так меня взбудоражила, что я не могла тратить время на телефонные разговоры. Решила сама зайти в ближайшую парикмахерскую и, стоя на коленях, умолять мастера подарить мне новый цвет волос. Заветная дверь быстро нашлась. Захожу – встречает мужчина, лысый, среднего роста, одет, как танцор степа. По запаху строительной краски я поняла, что салон открылся совсем недавно. Мужчина оказался владельцем этого учреждения. Десять лет человек прожил в Нью-Йорке и учился там у лучших стилистов штата. Работал в Бруклине. Теперь вернулся на родину и открыл свое дело.

– Сколько будет стоить покрасить мои волосы в красный цвет? – прямо спросила я.

– Пятьдесят долларов, – закончив свое резюме, быстро ответил он.

Сэкономив на перелете в Америку, я согласилась.

Ненавижу сидеть в парикмахерской напротив зеркала. Хорошо, что тело прикрывают черной накидкой. Знают, наверное, если женщина будет разглядывать свои толстые ляжки в отражении дольше десяти минут, как бы ее замечатель-

но ни постригли, все равно уйдет недовольной.

Мастер осветлил мне пряди и приступил к окрашиванию. Казалось, после того, как процедура закончится, мои тело и голова окончательно поссорятся. Успокаивала себя тем, что джинсовая одежда, которую я с собой взяла, с красным цветом будет смотреться по-питерски стильно. Когда мне высушили волосы, по ощущениям, их стало в два раза больше. Я была похожа на Ариэль с телом Урсулы. Говорят, рыба гниет с головы. В моем случае рыба с головы начала возрождаться.

12

Я очень переживала, что в хостеле под предлогом угощения все будут воровать мою еду. Решила закупиться с расчетом на четверых. Взяла две бутылки вина, четырехсотграммовый кусок сыра, банку маслин, несколько пачек пюре быстрого приготовления, две упаковки помидоров черри, килограмм картошки, столько же мороженого и конфет, а также пакет молока и пачку кукурузных хлопьев. Сумка с продуктами по тяжести сравнялась с вещевой. Я не взяла ничего мясного: была уверена, что каждый второй житель хостела – вегетарианец. А я очень уважаю этот ярлык. Для меня веганы, вегетарианцы и сыроеды – третий пол. С женщинами я дружу, мальчиков – люблю, вегетарианцев – обожаю. Раз в неделю обещаю себе отказаться от мяса, сахара, консервов и фаст-фуда. Держусь один день, на следующий – заказываю пиццу с пепперони. Моя самооценка напрямую зависит от рациона: фрукты и овощи – достоинства, все остальное – недостатки.

В хостеле меня встретила администратор, одетая в белую льняную рубашу и длинную синюю юбку. Девушка, натуральная блондинка с румянцем и ямочками на щеках, напомнила актрису из советского фильма.

– Привет, добро пожаловать, меня зовут Карина, – полупрошепотно приветствовала меня девушка.

– Привет. У тебя такое имя пряное, его бы в горячее молоко с медом добавлять, – я пыталась быть оригинальной. – Меня зовут Варвара. Очень приятно, – добавила я, делая вид, что останавливаться в хостеле для меня привычное дело.

– У тебя такой классный цвет волос, Варвара. Пойдем, я тебе все расскажу и покажу. Чай будешь? – продолжала знакомство администратор.

– Да, спасибо, – я решила расслабиться и согласиться.

Через полтора часа мы с Кариной уже сидели на заднем дворе хостела: курили после выпитой бутылки вина.

– Как ты относишься к вегетарианцам, Карина? – строго спросила я, намекая на то, что ответ должен быть отрицательным.

– Плохо! – засмеялась она.

– Почему? – ответ меня удовлетворил.

– Потому что они украли у нас фрукты! – прокричала Карина.

– В каком смысле украли? – шепотом, чтобы успокоить ее, спросила я.

– Ведут себя так, будто теперь это только их еда. Можно подумать, человеку, который ест мясо, даже близко нельзя подходить к бананам и яблокам. Я как-то выложила в инстаграм фотографию с ананасом, так два человека в комментариях спросили у меня: не стала ли я вегетарианкой и не перешла ли на правильное питание? Представляешь? – админи-

стратор говорила, демонстрируя свой разряженный телефон.

– У меня тоже была знакомая-сыроедка, которая в супермаркете визжала от радости, когда я покупала морковь или капусту. Ей казалось, что я встала, наконец, на правильный путь. Хотя я просто с детства люблю салат с морковью, зеленью и сметаной, – продолжила я, передавая ей зарядное устройство.

– И выглядеть хочется хорошо, правда? Но как же сложно привести свое тело в порядок, следуя инструкции. Я по ней даже стиральную машинку в хостеле починить не могу, а тут – живой организм, – Карина икнула и с первого раза не попала вилкой в розетку.

На курилку вышла девушка. На ней были серые спортивные штаны, белая майка-алкоголичка и домашние тапочки. Влажные каштановые волосы пахли шампунем, тело – кремом.

– Добрый вечер, девочки, я покурю с вами. Не помещаю? – спросила она уже после того, как сделала первую затяжку.

– Конечно. Вино будешь? – я протянула ей свой бокал.

– Нет, спасибо, – брезгливо ответила она.

– Как тебя зовут? – решила я зайти с другой стороны.

– Ее зовут Оля, – Карина вспомнила, что работает администратором в этом хостеле, – Ольга, познакомься, это Варя. Она приехала из Беларуси.

Девушка улыбнулась.

– Оля, у тебя очень красивые волосы, – сказала я.

– А у тебя они прикольно окрашены. Как ты решилась на красный цвет? – спрашивала она, перебирая мои пряди.

– О, это глупая и длинная история. У нас тут серьезный разговор. Оля, как ты относишься к вегетарианцам? – серьезно спросила я.

– Никак. Каждый сам решает, что ему есть, – Ольгу этот разговор не увлек.

– А как ты решаешь, что тебе есть? Ты очень худенькая, в чем секрет? – поинтересовалась я.

– Я всегда была такой. Не знаю. Но я очень люблю покушать, – Оля продолжала смотреть в окно, не желая вести светские беседы.

– Конечно, – перебила Карина, – сделает себе на завтрак кашу, съест две ложки и сидит полчаса в телефоне. Ужинает салатиками. Хотя нет, однажды я видела тебя с мороженым. И еще один раз со сникерсом.

– Ну да, я ем все, что хочу. Очень люблю суши, например. Сама их готовлю. Еще мне нравится овощное рагу, удон с курицей, рыбка в кляре или перловка с грибами. Объедение! – радостно заявила девушка, поняв, что выпившие барышни могут не понять ее безразличия и обидеться.

– Повезло тебе, Оля, – я расстроилась и начала жаловаться. – Я, когда ем овощной салат или покупаю фрукты, всегда тешу себя надеждой, что могу стать вегетарианкой. Когда обедаюсь сладостями, думаю, что у меня срыв и я бу-

лимичка. Когда ужинаю у мамы котлетами с пюре, считаю себя унылым говном. Когда пью воду, в голове прокручиваются слова из рекламы «Бонаквы» – «сила чистой воды». В этом мире, наверное, не осталось еды, которую я могу съесть и просто почувствовать себя собой!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.